
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 351.85

О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова

Развитие национальной культуры и культурная политика в Российской империи и СССР: сравнительный анализ

Проблемы культурной политики современной России находятся в центре внимания научного сообщества, общественно-политических объединений, государственных структур управления. В XXI в. ресурсы культуры отнесены к числу эффективных способов влияния на вектор цивилизационного развития. В цикле статей последовательно раскрываются основные этапы становления национальной культуры и выявляются формы влияния власти на течение культурно-исторического процесса, формирование целей и принципов проводимой ею культурной политики.

В статье, критически переосмысливая многовековой опыт регулирования социокультурных процессов, авторы концептуализируют идею о широкой трактовке «культуры» и необходимости переосмысления базовых положений отечественных исследователей о самобытности русской культуры, о механизмах самоорганизации и управления, которые в имперский и советский периоды истории кардинально меняли вектор развития российского общества. Ставится вопрос о соотношении трех разных «контуров-уровней» культурной политики в СССР и аргументируется проблема смысловой «двойственности» советского проекта относительно сущности социокультурного развития. Поднимаются вопросы о теоретическом дискурсе советского обществоведения, который к середине 80-х гг. XX в. ограничивается в своих возможностях убедительно и объективно интерпретировать происходящие в стране процессы. Российская культура вновь оказывается перед необходимостью в новых условиях отстаивать свою жизнеспособность.

Ключевые слова: культура, культурная политика, социокультурный процесс, культурная жизнь, культурно-цивилизационная самобытность, управление, самоорганизация, государство.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

O. N. Astafieva, G. A. Avanesova

Development of National Culture and Cultural Policy in the Russian Empire and the USSR: a Comparative Analysis

Problems of cultural policy of modern Russia are in the centre of attention of the scientific community, political associations, government institutions of management. In the XXI century resources of culture are carried to effective ways of influence on the vector of civilization development. The main stages of formation of national culture are consistently revealed and forms of influence of the authorities on the course of cultural and historical process, formation of the purposes and principles of the cultural policy pursued by it are revealed in the series of articles.

In this article critically reinterpreting centuries-old experience of regulation of sociocultural processes, the authors conceptualize the idea about wide interpretation of «culture» and necessity to reconsider basic ideas of Russian researchers about identity of the Russian culture, about mechanisms of self-organization and management which dramatically changed a vector of development of the Russian society in the imperial period and during the Soviet period of history. The question on the ratio of three different «contours levels» of cultural policy in the USSR is raised and the problem of semantic «duality» of the Soviet project concerning the essence of the sociocultural development is reasoned. Questions are raised on the theoretical discourse of the Soviet social science which in the middle of the 80-s of the XX century was limited in the opportunities to interpret the processes happening in the country convincingly and objectively. The Russian culture faces the necessity to defend its viability under new conditions.

Keywords: culture, cultural policy, a sociocultural process, cultural life, cultural and civilization originality, management, self-organization, a state.

**Эволюция национальной культуры
и государственное регулирование сферы куль-**

**туры: понятия и исторические формы. Обще-
ственный интерес к отечественной культуре и**

культурной политике был активным в нашей стране еще в поздний советский период (70–80-е гг. XX в.) и позднее он то ослабевал, то усиливался. В современной России подобный интерес – вновь на пике роста. Это вполне объяснимо: радикально изменились представления о культуре, которая мыслится уже не как нечто вторичное в человеческом развитии, но как базовая предпосылка исторической эволюции масштабных социальных сообществ на нашей планете. В данном случае для нас весьма существенным является тот факт, что широкое понимание культуры утвердилось в науке сравнительно недавно, ведь даже в начале XIX в. в развитых странах Запада и в России в интеллектуальной среде были распространены размытые представления о культуре, которые связывались преимущественно с высшими ценностями, духовными видами деятельности людей (моралью, религией, искусством и др.). В ходе научных дискуссий постепенно выкристаллизовалось более глубокое и точное понимание культуры – под ней ученые стали понимать все многообразие исторических форм жизнедеятельности и целостной интеграции крупных сообществ (племенных, этнонациональных, цивилизационных), выделяющих существование людей в природной среде и животном мире.

Если говорить о любой этнонациональной культуре, то она исторически создается конкретным этносом или национальным сообществом; ее саморазвитие может длиться многие столетия или несколько тысячелетий (китайская, индийская и ряд других культур, к примеру). Повсюду в мире эволюция родоплеменных, а затем и этнонациональных культур осуществлялась, и во многом продолжает действовать в наше время, через механизмы самоорганизации (традиции, родственные связи, постепенные трансформации, меняющие общество и др.)¹. Эволюционные процессы такого масштаба и длительности невозможно рационально регулировать и прогнозировать во всем объеме. В настоящее время разработчики моделей стратегического управления, частью которого выступает культурная политика, уделяют серьезное внимание как самоорганизации, так и целеполаганию, фиксируя основные смыслы преобразований в разного рода документах и аналитических материалах, что также подтверждает наши предположения о сверхсложности культуры как объекта регулирования.

Культурная политика является одним из институционально-управленческих ответвлений де-

ятельности современного государства; она инструментальна и предназначена для целевого регулирования государством отдельных сегментов социокультурной практики, которые в совокупности составляют так называемую сферу культуры (что не тождественно понятию масштабной и целостной национальной культуры). На протяжении XIX в. простейшие формы культурной политики постепенно оформлялись в качестве самостоятельного направления государственной деятельности в ряде национальных сообществ Западной Европы и в США в рамках промышленного экономического уклада. Политические лидеры и становящаяся буржуазия Запада отработывали в это время целевую стратегию – создать в том или ином национальном масштабе благоприятную среду для воспроизводства особого типа работника, способного выполнять широкий диапазон профессионально-трудовых, квалификационных и социальных функций. Это минимизировало бы значение спонтанных, слабо прогнозируемых процессов культурной жизни [22].

К концу XIX в. в ряде стран Запада были выработаны параметры государственного регулирования сферы культуры – центральные цели/направления, области приложения, методы и др. Речь шла о поддержке развития литературного национального языка, системы начального и отчасти профессионального образования, о сохранении исторического наследия и т. п. Не акцентируя внимания на идеалах Возрождения и Просвещения, подобная политика выстраивалась согласно прагматическим принципам эпохи высокого модерна и базировалась на идеях экономической целесообразности и научно-технического прогресса, свободы печати, развития потребностей и прав человека, которые рассматривались как универсальные, пригодные для всех народов мира. Тем самым культурная политика Запада открыла путь к социальной инженерии в области общественного и индивидуального сознания, к стандартизации, планированию и рыночному обмену результатов деятельности в информационной и духовной сферах, где ранее доминировали творческие силы, народные традиции, автономное самоуправление, личная инициатива. Подчеркнем, что культурная политика в таком виде отвечала целям и нуждам европейских стран, базируясь именно на западноевропейской семантике и аксиологии, регулируя те сегменты социокультурной практики, которые позволяли достигать поставленные перед ней задачи.

Теперь обозначим основные вехи освоения населением России культурных достижений Запада, понимание своей собственной культуры, а также развитие культурной политики как способа регулирования некоторых сторон социальной практики. Начиная с XVII в. самодержцы Московии, а затем и России осознавали не только особость своей страны сравнительно со странами западно-европейского мира, но и относительную слабость отечественной государственности, возможные угрозы извне в ее адрес. Задолго до Петра I стали предприниматься поиски того, как повысить международный престиж и военную мощь нашего государства. После петровских преобразований на уровне власти закрепились тактика выборочных заимствований с Запада, однако она не трансформировалась в последовательную культурную политику: монархи продолжали править по укорененным канонам, политики и высшие чиновники не смогли освоить стратегического социокультурного подхода к государственному строительству. Между тем в развитых странах Западной Европы властвующие элиты подобные повороты активно осуществляли.

Встают вопросы: каким образом отбирались *культурные инновации*, как они внедрялись и закреплялись в отечественной практике? Власти обычно приступали к реформам под влиянием неблагоприятных для их правления обстоятельств, они сосредотачивались на внедрении конкретных заимствований – правовых норм, организации труда, управленческих практик из таких областей деятельности, как политика, экономика, военное строительство, отчасти наука, система образования и др. Но в государственной практике не использовались представления о национальных интересах, о населении страны как нации, о российской или русской культуре и др. К середине XIX в. власть сформулировала свою формулу развития, призванную консолидировать некоторые сословия и социальные группы: «самодержавие, православие, народность», которая в большей степени была связана с прошлым, нежели устремлена в будущее.

Однако интеллектуальная русская среда оказалась более продвинутой в освоении таких феноменов общественной и духовной жизни стран Запада, как нация, культура, культурная политика и др. Еще в начале XIX в. представления на этот счет стали быстро распространяться в России из немецких источников, а уже к середине столетия современный взгляд на культуру был не только освоен русскими мыслителями, но и успешно

углублен в аналитических работах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева [6; 14; 15]. В них обосновывалось кардинальное различие между российским культурно-историческим типом и западным. В нынешней терминологии этот вывод позволяет говорить о том, что Россия и западные страны являются самостоятельными *локальными цивилизационными системами*.

Вместе с тем у теоретических представлений о российской культуре как локальной цивилизации оказалась неожиданная судьба. Сначала философско-культурологические концепции и их ключевые идеи отторгаются революционной властью; затем в СССР на них налагается запрет публичного обсуждения из-за несовместимости с марксистской методологией. В советской идеологии и науке возобладала прежняя – догматическая и устаревшая к началу XX в. – трактовка культуры, свойственная классикам марксизма (культура – надстройка над экономическим базисом). Неожиданным стал и другой поворот: в СССР была сформирована и активно развивалась культурная политика. Однако она игнорировала русскую и российскую культуры как национальные феномены, исторически доказавшие свой высокий интегративно-цивилизационный потенциал. Исходными же целями/объектами культурной политики СССР стали устремления на формирование советского народа и социалистической (советской) культуры. В итоге проблема присутствия русского и российского начала в советском контексте осталась неразработанной отечественными авторами вплоть до сегодняшнего времени. Не случайно эта аналитическая коллизия заставляет задуматься и вызывает естественный вопрос, почему даже за прошедшие с конца СССР двадцать лет ситуация почти не изменилась и мы продолжаем старательно уклоняться от исследования этой первоочередной по значимости темы [7, с. 415]. Пока ответа на него нет. Ниже мы попытаемся в какой-то мере подойти к его пониманию.

После распада Советского Союза наше общество с трудом восстанавливало в ходе дискуссий соотношение культурной политики и широкого понимания феномена культуры, закрепившееся к этому времени в мировой науке и философской мысли². Сегодня мы делаем немалые усилия, чтобы прийти к согласованному осмыслению национальной российской культуры, стержнем которой выступает русская культура. Без уяснения этих глубинных начал нашей жизнедеятельности государственная культурная политика не может быть

вполне осознанной и полнокровной, поскольку она сама по своим истокам, гражданскому статусу и духовной сущности покоится на родной почве. У данного направления политического стратегирования сдвоенные цели и функции: оно призвано выражать главный вектор развития нашей социокультурной жизни и одновременно регулировать ее процессы, корректировать ценности и нормы в обществе с той мерой новизны и адаптационных возможностей, которые не разрушали бы культурно-национального своеобразия России.

Ныне в нашем информационном и научном пространстве представлены многообразные трактовки российской и русской культуры, которые варьируются в широком диапазоне теоретических, содержательно-оценочных и обыденных позиций, подчас конфликтуя друг с другом. Данная ситуация, безусловно, тормозит выработку релевантной культурной политики Российской Федерации. Чтобы прояснить причины такой размытости в понимании русской и российской культуры, рассмотрим ниже соотношение процессов их созревания с практикой культурной политики имперского и советского периодов, а также аналитические трудности в изучении этих феноменов.

Особенности российской культуры и культурные преобразования имперского периода. Выше было отмечено, что в середине XVII в. властная элита Российского царства ощущала объективную необходимость освоения западноевропейского опыта. Усилиями Петра I эта необходимость стала реализовываться путем копирования западных достижений и перенесения их на отечественную почву, которая приобрела имперский характер. Поначалу даже в небольших пропорциях подобные заимствования оставались для подавляющей части населения чуждыми.

Констатируя это противоречие, мы не перечеркиваем самодержавную политику, скорее, наоборот, считаем важным учитывать следующее: российские монархи были одними из первых в мире, кто стал осуществлять сверху то, что ныне называют «культурной модернизацией западного типа» в ином культурно-цивилизационном пространстве. У русских царей не было ни «готовых чертежей», ни своего или заемного опыта в этом деле. Лишь к рубежу XX–XXI вв. в мировой практике аккумулирован перечень ведущих предпосылок успеха незападных сообществ в подобном начинании: проработка реформаторами стратегических целей, проектно-внедренческий характер их действий, предварительная апробация инноваций

с тем, чтобы адаптировать их к инокультурной среде и т. п. В ходе имперских преобразований эти предпосылки оставались частичными, необязательными, поэтому серьезные издержки стали неизбежными.

Начиная те или иные реформы, представители российской власти далеко не всегда сближали свои цели с российской действительностью; они невнятно декларировали общественное назначение инноваций, не предвидели результаты преобразований. В практическом плане цели и последствия реформ скорее трактовались как решение ситуативных проблем. При этом власть не устранилась от выполнения ключевых задач: она выработывала новые законы, отслеживала их выполнение, создавала условия для появления рыночной инфраструктуры и свободной рабочей силы и т. п. Правительственные органы брали за рубежом крупные займы, умножали для общественных нужд государственную собственность, сотрудничали с отечественными предпринимателями в ходе внедрения крупных проектов (например, постройки железнодорожной сети). Государство активно участвовало в развитии системы светского образования, способствовало появлению ряда направлений науки, инженерно-технических исследований, создавало условия в иноэтнических средах для освоения русского языка как средства межнационального общения и т. п.

Таким образом, наши «преобразования сверху» впервые в мировой практике расширяли возможности государственного регулирования процессов обновления традиционных культур без формирования отраслевой культурной политики³. Институциональными формами эта политика была представлена лишь фрагментарно – деятельностью Министерства просвещения, цензурных органов и др. Такой выход далеко за пределы культурной политики стран Запада объяснялся более сложной социальной структурой имперского населения, многослойностью этноконфессиональных субстратов культурной жизни.

Рассматривая страны Запада как образец, российские императоры и государственные деятели поневоле вынуждены были соотносить свои меры с разными социальными и этническими силами. Так, на всех фазах имперской модернизации в процессы преобразований прежде всего втягивались активные русские сословия и группы: армия и казаки, купечество и предприниматели, ученые и культурные деятели, ремесленники и крестьяне. Новые реалии жизни быстро осваивались также

поляками, остзейскими немцами, для которых европейские нормы оставались органичными. Но эти процессы среди социальных низов, в провинции и на основной части национальных окраин шли гораздо медленнее, нежели в крупных русских городах, среди образованных слоев [3, 13, 18]. Отдаленные этнические анклавы на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке в имперский период оставались почти не адаптированными к общекультурным процессам обновления. В итоге имперская тактика преобразований не позволила выработать механизмы гражданской и культурной консолидации разных этнонациональных сообществ страны.

Укажем на более серьезные издержки отечественной модернизации этого периода. В самом русском обществе «вестернизаторский» вектор преобразований породил социокультурный раскол на малочисленную образованную элиту и основную часть народа, которая осваивала новые реалии жизни по-своему, зачастую не так, как рассчитывала власть. Со времен Петра I светская субкультура аристократии и образованных слоев созидалась, во многом абстрагируясь не только от русской, но и от общенациональной российской жизни. В итоге в этих слоях зародилось и стало быстро шириться опасное общественное явление – недооценка или даже презрение к своей культурной почве («смердяковщина», по образному выражению Ф. М. Достоевского).

Пренебрежение к отечественному опыту принимало разные формы. Так, внедряя европейские виды предпринимательства как универсальные, правительство игнорировало начинания русских купцов-государственников по созданию продвинутых промышленно-сельскохозяйственных районов, не замечало усовершенствований социально-трудовых отношений на частных фабриках, не учитывало поддержку русского искусства со стороны купеческих династий. В свою очередь, организаторы крупных производств не оценили народные артели как новые формы трудовых взаимодействий, плотную сеть кооперативных связей, ярмарочную торговлю и др. [11; 19; 20; 27]. Распространяя формы западного финансового капитала и предпринимательства, правительство мирилось с усилением буржуазной морали в общественной жизни. В то же время православная мораль утрачивала в российском обществе свою ведущую роль. А те силы, которые вырабатывали альтернативные духовные механизмы труда и сотрудничества в новых условиях (например, среда предпринимателей-

старообрядцев), могли под разными предлогами подвергаться преследованиям, разорению.

Затронем проблему проведения теоретического анализа отечественной культуры и его освоения, то есть развития концептуальной линии, не перечеркивающей, но, напротив, признающей естественным ее своеобразие, где рассматривались внутренние основания для политики обновления отечественной культуры. Над самобытным характером России в начале XIX в. глубоко размышляли мыслители-консерваторы (архаисты, ранние славянофилы, затем Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов и др.). Во второй половине XIX – начала XX в. аналитический дискурс содержательно углубляется, приобретая национально-гражданскую направленность: в него включаются представители разных теоретических направлений, публицисты, оппозиционные политики, священнослужители (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров, П. Б. Струве, В. В. Розанов, М. О. Меньшиков и др.). В русском зарубежье этот дискурс постепенно ослабевает и завершается.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет о тех исследователях, которые подходили к отечественной культуре, исходя из понимания ее глубинных основ и базовых параметров. Они считали абсурдным и претенциозным занятием критиковать отечественную культуру лишь на том основании, что она якобы «хуже», «отстала» от культур Запаदा, ибо, по существу, никаких познавательных инструментов, адекватных критериев сравнения культур и цивилизаций по шкале «хуже-лучше» никто, включая и западных аналитиков, не выработал. Русские исследователи отлично осознавали, что своеобразие российской культуры, общества невозможно понять, исходя из методологических основ западноевропейской познавательной парадигмы, и пытались самостоятельно разобраться в том, какие трудности встречает наша культурная практика в ходе освоения капиталистического уклада, промышленного производства, техники, безальтернативно навязываемых Западом всем странам и культурам. С этой целью они сравнивают феномены народной и национальной жизни; пытаются понять, что такое русский национализм, русская идея [4] и совместимы ли Святая Русь с Великой Россией в современном мире; размышляют, как можно превратить сословно расколотое и этнически мозаичное население империи в полиэтничное и одновременно граждански консолидированное сообщество [16; 23].

Некоторые авторы сходились на том, что политика царского правительства, *продвигавшая в нашу культуру западные достижения, в определенной мере неизбежна*. Но без признания самоценности отечественной культуры такая политика подрывает базовые основы российской жизни, в первую очередь духовные. Неудивительно, что при этом серьезно изучается вопрос о том, какие корректировки требуются проводимой политике преобразований. Исследователи единогласны в том, что следует исходить из приоритетности развития российской культуры, тщательно отбирать инновации, добываясь разумной их сбалансированности с традициями. При этом рассматриваются самые неожиданные повороты в политике по преобразованию России. Так, одни из них допускают возможность соединения монархического правления с русским народным традиционализмом (И. Л. Солоневич), другие – с элементами социалистического проекта (К. Н. Леонтьев, «младороссы» в русском зарубежье и др.); третьи предлагают усилить в процессах обновления роль традиционных религий, обладавших высоким просветительским потенциалом – православия, ислама (И. Гаспринский) [5].

Таким образом, пытливая национально ориентированная мысль аналитиков, живущих в империи, а затем в русском зарубежье, охватывала широкий диапазон проблем российской и русской культуры, возможностей и форм их государственного регулирования, прогнозировала будущее этих процессов. По существу, отечественные мыслители XI – начала XX в. подошли к осознанию новой стратегии обновления – специально выработанных адаптивных и национально оправданных способов вхождения традиционного общества в эпоху модерна [8]. В такой постановке идеи привлекли широкое общественное внимание в разных незападных странах только во второй половине XX в., когда мир уже развивался в условиях постмодерна и глобальных взаимодействий.

Соотношение русской и российской культуры с советской социокультурной практикой и с культурной политикой государства. Специфика культурной политики советского периода во многом связана с идеологическими принципами, которые год от года догматизировались, с одной стороны, разрушительно влияли на социокультурные процессы в России XX в., с другой – не смогли полностью подорвать саморазвитие отечественной культуры. Идейные истоки теории К. Маркса коренились в социально-политическом

конструктивизме, экономическом прагматизме, в позитивистской философии Запада. Классики марксизма считали, что их идеи идут на смену теории капитализма в западной науке и предназначены для реализации в странах Западной Европы. Неожиданно для многих марксистские представления были использованы в России, где они сыграли роль «закваски», позволившей нашему обществу преодолеть инерцию имперской государственности и освоить современное развитие. Достижение этой цели облегчало то, что в марксизме существовали точки соприкосновения с принципами российской культуры: представления о социальной справедливости, о значимости общественной собственности, признание важной роли труда, критика капиталистических отношений и др. Следует признать, однако, что реализуемый марксистский проект одновременно заключал для российской культуры немалую долю опасности, сохраняя устойчивую основу вестернизаторского взгляда на мир и человека. Таким образом, советский проект включал одновременно критику капиталистического запада и признание его мирового лидерства. Эта его двойственность вскрылась не сразу. Окончательным аргументом несостоятельности советского проекта явился период перестройки и стремительный распад СССР.

Вместе с тем модель социализма спонтанно отработывалась через деятельность всех народов СССР; в стране также были нейтрализованы активные силы, враждебно настроенные к отечественной культуре и обществу. В результате новые реалии труда и жизни скоррелировали с ведущими кодами русской культуры и цивилизации. Правда, властвующая элита не захотела углубить этот поворот к отечественной органике; в результате советский проект не расширил, а исчерпал свой инновационный потенциал.

Советский проект нацеливал все общество на формирование социалистической культуры, а по мере выполнения этой задачи – коммунистической. Сама модель перехода в данном случае не предмет нашего анализа; важным представляется понять, каким образом в СССР сопрягались, с одной стороны, заявившая о себе *культурная политика*, с другой – *историческая отечественная культура*, которая в новой обстановке развивалась неявно, оставаясь фактически скрытой «за авансценой»⁴, а также *советская социокультурная практика*. Последняя из выделенных во многом определялась идеологией, в силу чего обладала весьма краткосрочным периодом действия,

отвечала определенным политикой задачам, поэтому не проявляла ведущих качеств полноценной культуры. Сделаем необходимые в связи с этим уточнения.

Выше отмечалось, что в советском марксизме понимание культуры как фундаментального феномена человеческого развития оказалось не востребовано. Вместе с тем исторические свидетельства и факты показывают, что советская культурная политика фактически не ограничивалась узкоотраслевыми рамками. Объективно она приобретала более широкий диапазон управленческого регулирования, нежели это было в западных странах, повторяя многообразные формы активного участия государства в имперской модернизации.

Об этом свидетельствует анализ структуры управления в СССР: как в латентной, так и в открытой форме культурная политика реализовалась по меньшей мере на трех различных уровнях-контурх:

– *общеполитическом*, связанном с разработкой высших семантических ценностей, стратегии общественного развития, государственной символики и др.;

– *отраслевым*, относящемся к компетенциям конкретных министерств и подразделений культурного назначения;

– *массовом*, развивающемся через культурную активность широких кругов населения.

Уровень-контур общеполитического регулирования культурного развития (культурная политика широкого масштаба) оставался прерогативой высших государственных и партийных органов. Являясь по функциям и методам политико-идеологическим, данный уровень фактически заключал в себе проблематику культурного и духовного развития всего общества. В его рамках определялись стратегические цели, принципы ведущих направлений общественного развития (системы государственной безопасности, экономики, военного строительства и др.), а также высокие смыслы и ценности, заложенные в основу деятельности разных сфер и областей жизни. На этом же уровне формировалась система оценок, основанная на идеях отторжения опыта исторической России, а также критика современного капитализма.

Культурная политика второго уровня, связанного с государственными ведомствами, в советский период приобрела институциональный характер, базируясь на законодательно-административной, материально-технической и

финансовой основе. Из стратегических целей, формулируемых на первом уровне, вытекали задачи и содержательные основы деятельности ряда ведомств, структура, название и компетенции которых позволяла отнести их к сфере культуры (хотя на разных этапах советского периода они назывались по-разному).

Анализируя нормативно-правовую базу первого десятилетия советского периода, несложно проследить, как создавался «каркас» культурной политики отраслевого значения, как выстраивались цели и задачи в области культурных ценностей, музейной деятельности, культурно-досуговой сферы, формировались предпосылки для появления новой системы специализированных институтов управления в культуре, в дореволюционный период регулируемой из разных ведомств. Так, Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины занималась выработкой решений, связанных с запрещением вывоза за границу культурных ценностей (прежде всего, из частных коллекций), положениями об управлении национализированными учреждениями мирового уровня, такими как Третьяковская галерея и др. Декретом Совета народных комиссаров об учреждении государственной комиссии по просвещению была утверждена еще одна новая структура, которой передавались все функции, выполнявшиеся ранее Министерством народного просвещения. Данная комиссия разрабатывала законопроекты и несла ответственность за введение всеобщей грамотности, за деятельность всех типов образовательных учреждений (высших учебных заведений, учреждений дошкольного воспитания, самостоятельных просветительских организаций, подготовку педагогических кадров и др.), за развитие науки, искусства пр. Вскоре в ведение Наркомпроса были переданы дела воспитания и образования из духовного ведомства, Петроградская и Московская консерватории, вопросы охраны библиотек и книгохранилищ, фотографической и кинематографической торговли и промышленности и пр. [12].

Отметим появление ключевого ведомства, которое в 1953 г. получило название Министерства культуры СССР, будучи преобразованным из Комитета по делам искусства при Совете Министров СССР. При создании данного министерства в него были интегрированы также кинематографическая отрасль, трудовые ресурсы, радиовещание и др. Позже структура ведомства не раз менялась за счет исключения одних видов деятельности и ввода новых. Но в целом культурная

отраслевая политика связывалась преимущественно с ведущими направлениями искусства, сохранением культурного наследия и подготовкой кадров для этих видов деятельности.

Вместе с тем с отраслью культуры всегда тесно взаимодействовали ряд профильных министерств и структур, нацеленных на культурное воспроизводство: Министерство среднего образования, Министерство высшего и среднего профессионального образования, структуры поддержания семьи, материнства и детства, комитеты по спорту, туризму, а также ведомства, связанные с социальным развитием и социальным обеспечением. При этом цели, компетенции культурных ведомств и близких к ним отраслей были неодинаковы, но взаимодополняли друг друга. Подобная взаимосвязь сохранялась при разных трансформациях, которых немало было в советский период. Так, в условиях развитого социализма в задачи системы образования и сферы культуры входило создание многоуровневой структуры разных форм образования и воспитания детей, молодежи; сохранение культурного наследия (по идеологическим причинам выборочно, далеко не в полном объеме); формирование у новых поколений навыков к личному развитию и познанию мира; выявление одаренных детей, подростков и особые формы их обучения; подготовка профессиональных кадров и др.

В итоге в деятельности ведущих культурных ведомств были достигнуты впечатляющие результаты. Советское общество не только характеризовало ведущие признаки индустриальной культуры, но в нем создавались продвинутые культурные формы, аналогов которым в мире до этого не существовало, ибо они отображали цивилизационное своеобразие народов российской части Евразии. Так, в 50–80-е гг. в СССР действовала масштабная система культурного обслуживания, охватывающая все административные единицы (республики, края, области, крупные, средние, малые города), где функционировали учреждения культуры – библиотеки, музеи, кинотеатры, театры, концертные залы, клубы, Дома культуры и др. Все население позднего советского периода составляло огромную массу читателей художественной и научной литературы, подписчиков газет, журналов, а также аудитории кино, радио и телевизионных передач.

Такой прорыв к современным формам жизни был бы невозможным, если бы разные социальные слои сами не тянулись к актуальной культуре, не хотели бы осваивать новые виды труда,

общественной и досуговой деятельности. Все это позволяет говорить о формировании в советский период *третьего уровня-контура культурной политики, связанного с активностью широких масс*. К 50–70-м гг. XX в. в общественном сознании советских граждан особым образом переплетались высокие патриотические чувства, принципы коллективистской морали с романтической верой в научно-технический прогресс, с финалистскими ожиданиями построения справедливого общества. В СССР была решена задача, которая не могла реализоваться в империи: осуществлена гражданская консолидация населения на идейно-политической основе – для людей было характерно чувство советской идентичности, в котором на первый план выдвигалось идеологическое начало без акцентирования этнонациональных, культурно-духовных характеристик.

Эти сдвиги позволяли гражданам активно трудиться в этнически смешанных коллективах, общаться вне зависимости от того, какие житейские установки им передала этническая среда. В общественном сознании были сформированы общие черты современной картины мира, представления о единых нормах морали и поведения. Многие социальные слои отличали такие качества, как современный кругозор, высокий уровень образования, информационная компетентность, дифференцированные художественно-эстетические потребности. Значительная часть детей, молодежи и взрослых когорт имели возможность на любительском уровне развивать технические, художественные, спортивные задатки. Указанные характеристики были распространены среди всего массива городского населения с той степенью однородности и разнообразия, которые не создавали монотонности и не переходили в конфликт разных социальных и этнических слоев [24, 25, 26].

Вместе с тем нельзя не сказать и о серьезных издержках развития советской культуры, которая стала особой стадией и специфическим проявлением отечественной культуры XX в. По существу, советская культура понималась правящей элитой, да и немалой частью граждан, как преодоление исторической отечественной культуры России, в то время как первая базировалась (нередко в формах паразитирования) на второй и без нее не могла существовать. Трудно представить существование советской культуры без отечественной истории, русской классической литературы, без русского языка. Однако были попытки

объявить эти феномены вредными пережитками. Так, предмет отечественной истории был одно время изъят из образования. Среди представителей «первого призыва» советских руководителей встречались те, которым было свойственно строить самые «новаторские» планы: вместо русского языка пытаться ввести эсперанто или перевести письменность с кириллицы на латиницу. Но как только приступали к исполнению намерений подобного типа, становилось очевидным, что такие радикальные меры сведут «на нет» существование самого советского проекта.

Процессы социалистического воспитания граждан и культурная политика жестко связывались с дирижизмом центральной власти, с проектно-плановым началом и внедрением смысловых компонентов «универсального» типа. Советские политики не отдавали себе отчета в том, что невозможно через управленческое регулирование полностью трансформировать инерционные процессы культурного развития такого сложного общества, каким являлись советские граждане. В конечном счете советская культура лишалась глубинных исторических качеств, которые только и могли бы ей придать богатство выработанных этносом жизненных форм, полноту опыта народного существования, глубину творческого понимания окружающего мира. Но когда эти культурные качества были востребованы здоровыми государственными начинаниями или не «подрубались» марксистской схоластикой, достигались успешные результаты, будь то экономическая практика или государственное строительство, военные действия или развитие искусства.

В онтологической неукорененности, в стремлении верхов навязать российскому обществу «универсальные параметры прогресса» мы видим ведущую предпосылку неудач культурных преобразований имперского периода и быстрого исчерпания творческих возможностей советской модели. Подтверждение этому служит стремительный распад аристократических и устаревших форм жизни дореволюционной России, а также общественного уклада и советской идеологии в СССР. Целенаправленное насаждение неорганических для населения культурных форм и запаздывание властной элиты с реакцией на негативные последствия своей политики приводили к тому, что и в 1917 г. и в 1991 г. политические лидеры не смогли сформировать адекватные представления о новой расстановке социокультурных сил внутри страны, о цивилизационных тенденциях в мире. Это разрушало в глазах населения

авторитет, соответственно, царского и советского правящего слоя, делало их представителей безоружными перед агрессивной культурной политикой Запада, которая объективно усиливала значение «чужого ядра» в нашем цивилизационном пространстве.

В заключение обратим внимание еще на один глубокий изъян советского проекта, который неизбежно заводил его в тупик. Речь идет об отсутствии релевантного научного анализа состояния советского проекта, его культурной значимости в меняющемся мире. Советское общество 80-х гг. стремительно трансформируется, впрочем, как и весь окружающий мир. Официальная методология философско-теоретических идей остается на незыблемой марксистской платформе, но сам теоретический дискурс советского обществоведения становится все труднее удержать – он на глазах ветшает, десемантизируется, не имея возможности убедительно интерпретировать происходящие в стране процессы. Табуированные в СССР темы, связанные с русской нацией, с российской культурой, активно начинают осваивать писатели, публицисты, представители диссидентствующей среды, которые зачастую не претендуют на объективность. Затем в самом конце 1991 г. на протяжении очень короткого времени социально-гуманитарный сегмент советской науки «умирает», уступая дорогу другим идеям. Все это разительно демонстрирует разницу между теоретической мыслью позднего СССР и наукой имперского периода, представители которой продолжали плодотворно работать в русском зарубежье не одно десятилетие.

Библиографический список

1. Аванесова, Г. А. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика [Текст] / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева. – 2-е изд., перераб. и доп.. – М. : РАГС, 2004. – 424 с.
2. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: пределы и возможности [Текст]: научная монография / О. Н. Астафьева. – М. : МГИДА, 2001. – 295 с.
3. Бакланов, В. И. Восток – Запад – Россия: XIX – первые десятилетия XXI века [Текст] / В. И. Бакланов. – М. : МГУПП, 2014. – 298 с.
4. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Текст] / Н. А. Бердяев // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2 / сост В. М. Пискунов. – М. : Искусство, 1994. – 1418 с.

5. Гаспринский, И. Б. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения [Текст] / И. Б. Гаспринский. – Симферополь, 1881.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н. Я. Данилевский. – М. : Известия, 2003. – 607 с.
7. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. 2-е изд [Текст] / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2013. – 500 с.
8. Елисеев, А. Социализм с русским лицом [Текст] / А. Елисеев. – М. : Алгоритм, 2007. – 320 с.
9. Жидков, В. С. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть [Текст] / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб. : Алетейя, 2001. – 640 с. – С. 209–210.
10. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история [Текст] / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М. : Академический проект, 2001. – 592 с.
11. Жукова, Л. Н. Русское купечество. Гении дела и творцы истории [Текст] / Л. Н. Жукова, О. Г. Жукова. – М. : Вече, 2014. – 272 с.
12. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922 (составление, введение К. Е. Рыбака) [Текст]. – М. : ЗАО «Юридический Дом «Юстициум-Фонм», 2009. – 384 с.
13. Купцова, И. А. Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX – начала XXI в. [Текст] / И. А. Купцова. – М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2011. – 316 с.
14. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и Славянство [Текст] / К. Н. Леонтьев. – М. : Эксмо, 2007. – 896 с.
15. Леонтьев, К. Н. Избранные письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knleontiev.narod.ru/texts/pisma_rozanovu.htm. (дата обращения 19.05.2015 г.)
16. Меньшиков, М. О. Национальная империя [Текст] / М. О. Меньшиков. – М. : Имперская традиция, 2004. – 512 с.
17. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [Текст] : коллективная монография / под науч. ред Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с.
18. Мухамеджанова, Н. М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований [Текст] / Н. М. Мухамеджанова. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
19. Русская община [Текст] / сост. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – 1376 с.
20. Святая Русь. БЭРН. Русское хозяйство [Текст] / гл. ред. О. А. Платонов, составитель А. Д. Степанов. – М. : Институт русской цивилизации, 2006. – 1136 с.
21. Синергетика, философия, культура [Текст] : сб. науч. ст. : отв. ред. В. К. Егоров и др. – М. : Изд-во РАГС, 2001. – 363 с.
22. Скотт, Дж. Благими намерениями государства [Текст] / Джеймс Скотт ; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. – М. : Университетская книга, 2005. – 568 с.
23. Тихомиров, Л. А. Критика демократии [Текст] / Л. А. Тихомиров : вступ. ст. и ком. М. Б. Смолина: оформ. М. Ю. Зайцева. – М. : Москва, 1997. – 672 с. (Пути русского имперского сознания)
24. Художественная жизнь современного общества. Том 2. Аудитория искусства в России: вчера и сегодня [Текст] / отв. ред. У. Ю. Фохт-Бабушкин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 213 с.
25. Художественная культура и развитие личности: Проблемы долгосрочного планирования [Текст] / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. – М. : Наука, 1987. – 223 с.
26. Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление [Текст] / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. – М. : Наука, 1982. – 336 с.
27. Экономика русской цивилизации [Текст] / под ред. О. А. Платонова. – М. : ИРЦ, 2008. – 794 с.

Bibliograficheski spisok

1. Avanesova, G. A. Sociokul'turnoe razvitie rossijskich regionov: mehanizmy samoorganizacii i regional'naja politika [Tekst] / G. A. Avanesova, O. N. Astaf'eva. – 2-e izd., pererab. i dop.. – М. : RAGS, 2004. – 424 s.
2. Astaf'eva, O. N. Sinergeticheski podhod k issledovaniju sociokul'turnyh processov: predely i vozmozhnosti [Tekst] : nauchnaja monografija / O. N. Astaf'eva. – М. : MGIDA, 2001. – 295 s.
3. Baklanov, V. I. Vostok – Zapad – Rossija: HИH – pervye desjatiletija HИH veka [Tekst] / V. I. Baklanov. – М. : MGUPP, 2014. – 298 s.
4. Berdjaev, N. A. Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli HИH veka i nachala HИH veka [Tekst] / N. A. Berdjaev // Russkaja ideja. V krugu pisatelej i mys-litelej russkogo zarubezh'ja. T. 2 / sost V. M. Piskunov. – М. : Iskusstvo, 1994. – 1418 s.
5. Gasprinskij, I. B. Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nabljudenija [Tekst] / I. B. Gasprinskij. – Simferopol', 1881.
6. Danilevskij, N. Ja. Rossija i Evropa. Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k germano-romanskomu [Tekst] / N. Ja. Danilevskij. – М. : Izvestija, 2003. – 607 s.
7. Dugin, A. G. Martin Hajdegger: vozmozhnost' russkoj filosofii. 2-e izd [Tekst] / A. G. Dugin. – М. : Akademicheskij projekt, 2013. – 500 s.
8. Eliseev, A. Socializm s russkim licom [Tekst] / A. Eliseev. – М. : Algoritm, 2007. – 320 s.
9. Zhidkov, V. S. Desjat' vekov rossijskoj mental'nosti: kartina mira i vlast' [Tekst] / V. S. Zhidkov, K. B. Sokolov. – SPb. : Aletejja, 2001. – 640 s. – S. 209–210.
10. Zhidkov, V. S. Kul'turnaja politika Rossii: teorija i istorija [Tekst] / V. S. Zhidkov, K. B. Sokolov. – М. : Akademicheskij projekt, 2001. – 592 s.
11. Zhukova, L. N. Russkoe kupechestvo. Genii dela i tvorcy istorii [Tekst] / L. N. Zhukova, O. G. Zhukova. –

М. : Veche, 2014. – 272 s.

12. Kul'tura v normativnyh aktah Sovetskoj vlasti. 1917–1922 (sostavlenie, vvedenie K. E. Rybaka) [Tekst]. – М. : ЗАО «Juridicheskij Dom «Justiciinform», 2009. – 384 s.

13. Kupcova, I. A. Dinamika russkoj provincial'noj kul'tury vtoroj poloviny XIX – nachala XXI v. [Tekst] / I. A. Kupcova. – М. : RIC MGGU im. M. A. Sholohova, 2011. – 316 s.

14. Leont'ev, K. N. Vostok, Rossija i Slavjanstvo [Tekst] / K. N. Leont'ev. – М. : Jeksmo, 2007. – 896 s.

15. Leont'ev, K. N. Izbrannye pis'ma [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://knleontiev.narod.ru/texts/pisma_rozanovu.htm. (data obrashhenija 19.05.2015 g.)

16. Men'shikov, M. O. Nacional'naja imperija [Tekst] / M. O. Men'shikov. – М. : Imperskaja tradicija, 2004. – 512 s.

17. Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinov, N. N. Letin, M. V. Novikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – 292 s.

18. Muhamedzhanova, N. M. Osobennosti samoorganizacii jetnicheskikh kul'tur Rossii v uslovijah modernizacionnyh preobrazovanij [Tekst] / N. M. Muhamedzhanova. – Orenburg : IPK GOU OGU, 2006. – 229 s.

19. Russkaja obshhina [Tekst] / sost. O. A. Platonov. – М. : Institut russkoj civilizacii, 2013. – 1376 s.

20. Svjataja Rus'. BJeRN. Russkoe hozjajstvo [Tekst] / gl. red. O. A. Platonov, sostavitel' A. D. Stepanov. – М. : Institut russkoj civilizacii, 2006. – 1136 s.

21. Sinergetika, filosofija, kul'tura [Tekst] : sb. nauch. st. : otv. red. V. K. Egorov i dr. – М. : Izd-vo RAGS, 2001. – 363 s.

22. Skott, Dzh. Blagimi namerenijami gosudarstva [Tekst] / Dzh. Skott ; per. s angl. Je. N. Gusinskogo, Ju. I. Turchaninovo. – М. : Universitetskaja kniga, 2005. – 568 s.

23. Tihomirov, L. A. Kritika demokratii [Tekst] / L. A. Tihomirov : vstup. st. i kom. M. B. Smolina: oform. M. Ju. Zajceva. – М. : Moskva, 1997. – 672 s. (Puti russkogo imperskogo soznanija)

24. Hudozhestvennaja zhizn' sovremennogo obshhestva. Tom 2. Auditorija iskusstva v Rossii: vchera i segodnja [Tekst] / otv. red. U. Ju. Foht-Babushkin. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1997. – 213 s.

25. Hudozhestvennaja kul'tura i razvitie lichnosti: Problemy dolgosrochnogo planirovanija [Tekst] / otv. red. Ju. U. Foht-Babushkin. – М. : Nauka, 1987. – 223 s.

26. Chelovek v mire hudozhestvennoj kul'tury. Priobshhenie k iskusstvu: process i upravlenie [Tekst] / otv. red. Ju. U. Foht-Babushkin. – М. : Nauka, 1982. – 336 s.

27. Jekonomika russkoj civilizacii [Tekst] / pod. red. O. A. Platonova. – М. : IRC, 2008. – 794 s.

¹ Термин «самоорганизация» является одним из центральных в синергетике, теории сложных диссипативных систем, теории динамического хаоса и др. Его использование относится еще к XIX в., однако только в конце XX в. он был включен в тезаурус философско-культурологического знания и в настоящее время успешно применяется при анализе социокультурных процессов. См.: [1, 2, 21].

² Осмысление этих дискуссий – тема отдельного исследования, которое позволит раскрыть процесс формирования различных школ и направлений в отечественной гуманитарной науке в целом, и конкретно – в философско-культурологической области знания; а также проанализировать множество появляющихся во второй половине XX в. концепций и подходов, в которых авторы пытались преодолеть жесткие рамки идеологических установок. Заслуживают специального внимания концепции, содержащие оригинальные трактовки западных идей, хотя среди них зачастую встречаются положения, основанные на заимствованиях из зарубежных исследований. – Прим. авторов.

³ В настоящее время возрастает аналитический интерес к самым разным аспектам государственного регулирования различных культурных процессов в нашей стране [1, 9, 10, 17].

⁴ Обращение к понятию «историческая отечественная культура» понадобилось нам, чтобы подчеркнуть целостный образ российской культуры, вбирающий совокупность модусов традиционной народной культуры, духовных образцов, культурных практик повседневности, которые с начала XVIII в. явно рассматривались как «отсталые» и к XIX в. все активнее стали вытесняться западными образцами в силу поворота империи к новому культурно-цивилизационному тренду. В большей степени это проявлялось в образе и стиле жизни высшего и среднего сословия, позднее – советской элиты, которой, несмотря на разного рода ограничения, так и не удалось освободиться от «кодов» и традиций отечественной культуры. Тем не менее вмешательство в естественный процесс ее саморазвития не могло не сказаться в советское время на формах ее бытования.